

АЛИСА ЛИМАН

ИЗМЕНА

(НЕ)ТВОЯ ДОЧЬ,
ПРЕДАТЕЛЬ!

Алиса Лиман

Измена. (не) твоя дочь, предатель!

<https://litres.ru/74205423>

Аннотация

НОВИНКА АВТОРА♥# "Ты (не) вернешь нас, офицер"

— Любимый, я приготовила для тебя сюрприз, — за моей спиной включается презентация из любовно подобранных мною фоток. — Довольно! — вдруг требует Паша. — Немедленно вырубите эту чушь! Давлюсь воздухом. Грудь болезненно сжимается: — Паш, тебе не нравятся фотки? — выдавливаю. — Но это ведь еще не все... Мой голос прерывает размеренный женский голосок, льющийся из колонок: — Ох, Павел Сергеич, у вас просто огромный... — Работай ртом усердней, Лена, вместо того чтобы болтать, — отвечает ей такой родной голос моего любимого мужчины.

ХЭ, героиня непременно выздоровеет)

Содержание

Часть 1. Глава 1. Варя	5
Глава 2. Варя	11
Глава 3. Варя	16
Глава 4. Варя	20
Визуал	23
Глава 5. Варя	24
Глава 6. Варя	28
Глава 7. Варя	32
Глава 8. Павел	36
Глава 9. Павел	40
Глава 10. Варя	42
Глава 11. Павел	45
Глава 12. Варя	48
Глава 13. Варя	51
Глава 14. Варя	53
Глава 15. Варя	57
Глава 16. Павел	61
Глава 17. Павел	66
Глава 18. Варя	69
Глава 19. Павел	72
Глава 20. Павел	76
Глава 21. Павел	79
Глава 22. Варя	82

Глава 23. Варя	86
Часть 2. Глава 1. Варя	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Часть 1. Глава 1. Варя

— Варвара! — окликает меня раздраженный женский голос. — Алексевна...

Сжимаю руками колеса кресла, вынуждая его остановиться. По характерному цоканью каблучков, даже не оборачиваясь, знаю, что ко мне приближается главная пиарщица моего мужа.

— Вы припозднились, — с укоризной говорит она, огибая меня и становясь прямо напротив, загораживая мне вход в зал, где уже во всю разворачивается праздник в честь моего мужа. — Не хорошо, Варвара Алексеевна. Не хорошо.

— Простите, — извиняюсь, потому что без ее упреков чувствую вину за опоздание.

Не могу припомнить ни одного приятного разговора с этой женщиной. А все потому, что она вечно сует свой острый нос во все наши с Пашей дела. Даже в те, которые, на мой взгляд, просто не в ее компетенции. Вот прямо как сейчас.

— Где ваше сопровождение?! — строго спрашивает она, а у меня ощущение, что я нашкодивший ребенок, которого отчитывает директор школы.

— Яяяя... — теряюсь, потому что знаю, этой овчарке точно не понравится мой ответ. — Я их попросила меня в зале ждать. Я просто хотела все сама сделать. Знаете ведь, как для

меня важна самостоятельность...

— Важно сейчас то, что ваш муж там! — она указывает наманикюренным пальцем на дверь. — А вы здесь! Свое саморазвитие отложите, пожалуйста, на свободные от мероприятий Павла Сергеевича дни. Надеюсь вы понимаете, о чем я?

— Да, конечно, — виновато прикусываю губу. — Простите, я наоборот очень хотела постараться...

— И перестарались! — высокомерно отрезает Инесса. — Ваш наряд никуда не годится. Разве я не присылала вам соответствующий гардероб?

— Присылали, — киваю, вспоминая те скучные старушечьи шмотки.

— Так почему на вас это вызывающее платье?!

— О, оно в-овсе н-не... — боже, как неловко.

Я только хотела сегодня постараться для Паши чуть лучше, чем могла до этого. Хотела быть для него красивой. А в итоге...

— Красное, — закатывает она глаза, уже совершенно не сдерживая раздражения. — Еще оборки эти, вы что танго танцевать собрались?! В коляске?!

В горле возникает ком, а глаза щиплет от непрошенных слез обиды. Это уже перебор! Да что она себе позволяет?!

— Вы хоть понимаете уместность тех или иных нарядов, Варвара? — прожигает меня взглядом.

— П-понимаю! Но я ведь к мужу на день рождения соби-

ралась, неужели нельзя п-принарядиться? Что тут такого? — пытаюсь я дать отпор этой злобной гадине. — В-вообще-то вы тоже в красном!

— Разница в том, что жена Павла Сергеевича не я. Это первое, — она наклоняется ко мне, демонстрируя мне шикарное декольте, и вцепляется пальцами в подлокотники моего кресла. — А второе, моя хорошая, я — не в инвалидной коляске.

До боли сжимаю пальцами колеса, стараясь сдержать слезы. Они душат так, что я и сказать ничего не могу. Хотя мне даже есть, чем заткнуть эту грубиянку.

— Красный на женщине — это секс, — продолжает за-
раза. — А женщина в коляске — асексуальна. Понимаешь? Рассинхрон. Для рейтинга Паши полезней, чтобы ты выглядела достаточно жалкой. «Секс в коляске», — она усмехается, — это просто смешно.

Грудь прожигает болью от мысли, что для «рейтинга Паши» будет не полезно, если его жена вдруг встанет из кресла и перестанет быть жалкой. Но я отмахиваюсь от этой глупости. Если речь о моем здоровье, то моему мужу будет плевать на любые рейтинги.

— Варвара Алексевна? — слышу голос своего физиотерапевта, который часто сопровождает меня вне дома, и это придает уверенности.

— Благодарю за ваши замечания, Инесса, — отвечаю сдержанно. — Постараюсь их учесть. И обещаю вам, что в

дальнейшем «секс в коляске» не повторится, — толкаю колеса, вынуждая суку отскочить в сторону, пока я не проехала ей по ногам. — Виталь, для поздравления все готово? — обращаюсь к своему доктору, ставшему мне за время моей реабилитации близким другом.

— Так точно! — усмехается, перехватывая инициативу управления коляской в свои руки. — А ты уже готова?

— Да, не хочу затягивать с этим.

— Ого, а еще дома вроде боялась, — удивляется Вит.

— Я и сейчас боюсь, — признаюсь честно. — Но если не сделаю сразу, то потом могу и вовсе сдрейфить.

Ну или одна злобная сука решит мне запретить. А я слишком долго готовилась к сегодняшнему дню, чтобы мне помешали.

Виталик катит меня по залу, и под придирчивыми взглядами окружающих я уже едва мысленно не соглашаюсь с Инессой — должно быть я и правда просто смешна. Но вдруг ловлю на себе пристальный взгляд мужа и перестаю дышать, пытаюсь разгадать его реакцию.

Он стоит в другом конце зала, — как всегда великолепен в своем черном смокинге, — в окружении толпы людей. Как обычно хмурится. Но он ведь всегда хмурый, значит может и не злиться на меня за то, что я сегодня решила побыть «недостаточно жалкой для его рейтинга»?

Скользя по мне нечитаемым сканирующим взглядом, Паша слегка ослабляет галстук. Затем кажется извиняется пе-

ред своими собеседниками, и уже было шагает ко мне, но я прошу его остановиться, раскрыв перед собой ладонь.

Он замедляется. А в моей руке как по волшебству появляется микрофон — спасибо Виталику.

— Здравствуйте все! — голос дрожит. Вспотевшими пальцами вцепляюсь в подлокотник своей инвалидной коляски, оглядывая присутствующих. — Я прошу прощения за опоздание.

Паша смотрит на меня привычно строго, но будто с толикой тревоги. Должно быть переживает, что я ляпну что-то лишнее. Для него ведь очень важен статус — выборы совсем близко. Но я очень хорошо подготовилась. Поэтому я улыбаюсь и подмигиваю мужу, давая понять, что у меня все под контролем. Он снисходительно салютует мне бокалом, и я воспринимаю этот жест, как одобрение.

Киваю секретарше мужа, и она включает на ноуте подготовленную мной презентацию — на большом экране появляются фотографии.

— Я хочу поздравить тебя с днем рождения, мой любимый муж, — начинаю я свою заготовленную речь. — Встреча с тобой, Паш, лучшее, что произошло со мной в жизни. Знаешь, все это время, я считала себя недостойной такого мужчины как ты, ведь ты столько сделал для меня. Но сегодня... — слегка ерзаю в кресле, выбирая наиболее устойчивую позицию, — сегодня я бы хотела сделать кое-что для тебя...

Замечаю оживленную реакцию гостей на те фото, что у меня за спиной. Меня снова слепит град вспышек камер. Чего они разошлись опять? Я ведь еще даже не закончила.

Хотя, чего удивляться? Там кадры из нашего домашнего архива, которых еще нигде в сети не было. А зеваки падки на эксклюзивный контент.

— Я очень долго готовилась к этому дню, Паш, — вытягиваю перед собой руку, чтобы прикрыть глаза от вспышек, потому что хочу видеть лицо своего мужа, когда он узнает, какой сюрприз я ему приготовила. — Боялась, что не успею...

— Довольно! — вдруг слышу яростный голос Паши. — Немедленно вырубите эту чушь!

Давлюсь воздухом. Грудь болезненно сжимается. Я сделала что-то не так? Чем я могла так сильно его разозлить? Я ведь старалась...

— Паш, тебе не нравятся фотки? — выдавливаю в микрофон. — Но это ведь еще не все...

Мой голос прерывает размеренный женский голосок, льющийся из колонок:

— Ох, Павел Сергеич, у вас просто огромны член.

— Соси уже молча, Лена, — отвечает ей такой родной голос моего любимого мужчины...

Глава 2. Варя

Я даже еще толком не понимаю, что произошло. Но чувствую, как мой мир крошится на куски.

— Паш... — невольно срывается с губ, и благодаря микрофону, забытому мной в руке, звук разлетается по всему залу, перемешиваясь с мерзким чавканьем, льющимся из колонок.

Я нахожу в себе силы повернуться к экрану. Хочу убедиться, что мне показалось. Хочу увидеть, что это точно не мой муж! Он бы так не поступил со мной...

Меня со всех сторон слепят вспышки камер, поэтому я с трудом могу разглядеть картинку на экране. Зато отчетливо слышу хриплый стон моего мужа.

Ему с ней хорошо. А со мной... сложно...

— Выключить экран, немедленно! — разносится по залу звериный рев Паши.

Нахожу его взглядом. Его окружили репортеры, но он явно пытается пробиться в мою сторону.

А может в сторону экрана?

Да, скорее к нему. Рейтинги же...

Почти не вижу сейчас вечно хмурого лица своего мужа, потому что слезы застыли на глазах. У меня раскалывается голова. Зал будто слегка покачивается. И я крайне туго соображаю. Чувствую сейчас себя хуже, чем когда впервые открыла гла-

за после аварии, из-за которой оказалась в этом гребанном кресле.

— Варь! — Виталик как всегда оказывается рядом, когда мне плохо, и заглядывает в глаза. — Еле пробился к тебе из-за этих тупых зевак. Ты как?

Качаю головой, не в силах и слова выдавить. Перевожу потерянный взгляд на экран, киваю Виталику, мол да посмотри же сам, неужели не понимаешь «как я?», что за глупые вопросы?! Виталик понимал меня без слов с первого дня. Даже тогда, когда я еще совсем говорить не могла. А теперь будто не понимает...

— Не смотри туда! — велит Вит, становясь мне за спину и направляет коляску в сторону выхода. — Нам пора!

Продвигаемся к спасительной двери мы крайне медленно. Потому что толпа не спешит расступаться. Всем интересно рассмотреть повнимательней мою реакцию. Непременно сфотографировать мою боль. Всем хочется, как можно скорее слить растоптанную инвалидку в сеть, чтобы заработать побольше лайков и просмотров...

Рейтинги... это все они... У кого вниз, у кого вверх...

Прикрываю лицо руками, желая сейчас спрятаться, сквозь землю провалиться или умереть — вообще неважно! Лишь бы не быть сейчас здесь! Так унижительно я себя не чувствовала даже когда училась ползать! А ведь теперь я умею ходить...

Да, умею! Именно этот сюрприз я приготовила для мужа.

Хотела удивить его тем, что встану из коляски и сама пройду разделяющие нас шаги. Пока мне это дается с трудом. Но я могла бы... Хорошо, что не успела. Иначе к еще большему унижению еще бы и распласталась посреди зала от шока.

— Разошлись все! — рывкает на весь зал Паша, вынуждая меня вздрогнуть.

Убираю руки от лица. Нас разделяют считанные метры. И он продолжает сокращать дистанцию. Непонимающе смотрю на экран, оставшийся в другом конце зала. На нем все еще крутится порноролик с моим мужем в главной роли. Но сам он почему-то идет вовсе не туда. А ко мне...

Оказавшись прямо передо мной опускается на корточки:

— Ну и куда же ты собралась, моя милая?

— В-в к-каком см-мысле?.. — выдавливаю, заикаясь.

Неужели не понятно куда я собралась?!

— Павел Сергеевич, — вклинивается Виталик, — мне лучше увезти сейчас Варю домой.

— Тебе лучше сейчас закрыть рот, пока я говорю с женой!

— шипит Паша.

— П-паш... — дрожа всем телом выдавливаю я, — я тебе больше не ж-жена...

Новый фейерверк вспышек ослепляет меня. Я прикрываю глаза.

— Глупости не городи, зайка моя, — хрипит тихо Паша.

— Ты же знаешь, как сильно ты мне нужна...

Точно. Ему нужна жалкая жена. Для рейтингов. Что ж,

должно быть сейчас я достаточно жалкая...

Чувствую, как его грубые пальцы нежно касаются моей щеки, стирая слезу.

Вздрагиваю, как от пощечины. Открываю глаза и смотрю в такие родные и вечно холодные глаза предателя.

— Как ты мог, Паша?.. — всхлипываю.

— Ты сегодня очень красивая, Варь, — игнорируя мой вопрос, говорит совершенно неуместный сейчас комплимент и улыбается одними губами.

— Т-ты издеваешься надо мной?

— Разве я могу? Просто хочу, чтобы ты успокоилась, — он ловит мою руку, затянутую в перчатки с обрезанными пальцами, и прикасается своими горячими губами к моей холодной коже. Целует каждый палец. — С тобой мы позже все обсудим...

— Павел Сергеевич, как вы прокомментируете видео?! — доносится голос из толпы репортеров.

— Вы подтверждаете, что на видео вы?! — подхватывает другой.

— Варвара Алексеевна, знали ли вы о связях своего мужа?!

— Так, хватит! — рявкает Паша, и поднимается на ноги, поворачиваясь лицом к журналистам и наконец загораживая меня от этих раздражающих вспышек. — Спешу вас разочаровать, что из сенсаций у вас сегодня разве что размер моего члена. Надеюсь вы впечатлены. Что касается самого видео:

да, это я. Но эти отношения у меня были задолго до знакомства с женой. Тогда я еще числился как завидный холостяк, поэтому мог себе позволить мимолетные увлечения...

Как бы я сейчас хотела ему поверить.

Но мы оба знаем, что это абсолютная ложь...

Глава 3. Варя

«Задолго до знакомства с женой», говорит... Ха!

«Завидный холостяк» — как же!

В груди разверзается болезненная дыра.

Как же ему легко далась ложь. И если бы ни одна крохотная деталь, то я бы тоже непременно поверила. И может даже продолжила жить в счастливом неведении и дальше.

Снова перевожу взгляд на мерзкую картинку на экране, где мой муж властно держит за волосы какую-то шлюшку, до блевотных звуков насаживая ее голову на свой член.

А на его запястье красуется сплетенный мной из кожи браслет...

— И да, я здоровый мужчина, который занимается сексом, — продолжает хладнокровно урезонивать репортеров Паша. — Нет ведь ничего зазорного в здоровых половых отношениях между мужчиной и женщиной?

— Зачем тогда взяли в жены инвалидку, непригодную для секса? — вырывается язвительный вопрос из толпы, будто ушатом ледяной воды меня окатывая. — Или это фиктивный брак? Ради рейтингов?

— Я еще не предлагал задавать вопросы, — рокошет голос моего мужа. — Но раз вы настаиваете, брак у нас с Варварой самый настоящий. Я очень люблю свою жену. И рейтинги здесь совершенно ни при чем.

— Это все слова, Павел Сергеевич! Вы женаты более двух лет, но на публике вместе появляетесь только на официальных мероприятиях. Вас ни разу вместе не ловила желтая пресса, — подхватывает уже другой журналист. — И уж простите за банальщину, но если брак действительно не фиктивный, то где так сказать плоды? Я изучал историю болезни Варвары Алексевны, там черным по белому: «репродуктивные органы при аварии и последующих операциях не пострадали».

— Кто вам позволил рыться в картах пациентов частной клиники я еще непременно выясню. А пока скажу вот что, — судя по голосу Паша сейчас очень зол. — Моя жена — сильнейшая женщина. Она усердно трудилась над тем, чтобы обрести как можно большую самостоятельность в своем положении. Неустанно работала в оборудованном для нее дома реабилитационном зале. Под надзором команды врачей, которых я для нее собрал. На каждом шагу я поддерживаю все ее начинания и достижения. И знаю насколько сложно моей жене дается весь прогресс, который вы видите сейчас. Даже несмотря на неутешительные прогнозы врачей, она не оставляет надежды, что однажды снова сможет ходить. Именно ее целеустремлённая работа над собой является причиной того, что мы с Варей редко появляемся на публике вместе. Для меня ее здоровье и ее стремления важнее, нежели моя карьера. Поэтому я прошу Варю отвлечься от тренировок только для больших мероприятий, — вижу, как сжимаются его огром-

ные кулаки — совсем не дипломатично: — Вы себе представить не можете, насколько эта хрупкая на вид девочка упряма, целеустремлена, сильна и уверена в своей победе. Ее усилия бы в гонку кандидатов — она бы всех порвала. Я бесконечно уважаю и люблю ее. Поэтому еще одно грубое слово в ее адрес, и мы продолжим говорить с вами в суде, на предмет оскорбления ее личности.

Надо же, он звучит одинаково уверенно и когда врет, и когда говорит правду. Совершенно неотличимо. Его слушать, и правда можно подумать, что я представляю для него ценность.

Ни рейтинги, ни эта шлюха на видео, а я? Ага, охотно верю!

И да, в одном он ни соврал ни капли — я выкладывалась на все сто! Я старалась! Я делала все возможное и не очень, лишь бы однажды встать рядом со своим мужем!

От боли я просто не могу и слова выдать. Хотя что тут скажешь? Поддакивать о том, как я расстаралась для него я не хочу. А опровергать его ложь о любовнице не стану, потому что именно его вранье сейчас хоть немного спасает мою гордость.

— Кроме того, беспокоя мою супругу, вы очень рискуете навредить ей не только морально, но и физически, — продолжает Паша. — Дело в том, что я знаю, о каком сюрпризе моя жена начала говорить в своем поздравлении. Но так и не успела договорить из-за чьего-то неуместно розыгрыша, —

он снова поворачивается ко мне, и берет за руку. Наклоняется и целует пальцы: — Я хотел услышать это от тебя, любимая, но как видишь, обстоятельства не терпят. Поэтому с твоего позволения я поделюсь нашей новостью.

Опять улыбается гад. А я понятия не имею откуда он мог узнать о моем сюрпризе?

Я ведь просила всю команду держать рты на замке о том, что научилась ходить. Неужели проболтались? Хотя какая теперь уже разница? Знает и знает. Мне больше не нужно стараться для него.

Он предал, предал...

— Варя хотела сказать, — пробивается голос Паши сквозь гул в ушах, — что мы ждем ребенка...

Глава 4. Варя

Меня вновь ослепляют вспышки фотокамер. Щурюсь. Ничего не понимаю. Но истерика рвется наружу.

Предатель явно замечает, что я больше не могу сдерживать слез. Поэтому бросает в толпу:

— На сегодня достаточно сенсаций. Моей жене нужно отдохнуть!

Какого еще ребенка мы ждем?! Только если с форточки надуло.

Да когда он вообще последний раз прикасался ко мне, гад?! Да я может и на ноги встать так усердно старалась только для того, чтобы перестать быть жалкой в глазах мужа! Хотела, чтобы он хотел меня! Как нормальные мужья хотят нормальных жен!!! Как мой муж хочет какую-то шлюху с этого видео! Ха! Так может речь о ней, и это она ждет от него ребенка?

Я уже ничему не удивлюсь. Пока мне только становится больнее от каждой новой мысли...

В отличие от Витали Паша даже не пытается протиснуться сквозь толпу с коляской. Просто наклоняется ко мне и, подхватив меня на руки, направляется к спасительному выходу.

Я больше не могу держать себя в руках. Уткнувшись в шею предателю рыдаю навзрыд. Как он мог? Как он мог?!

Для него вот так просто соврать на всю страну. Ничего

удивительного, что врать мне о своей любви ему не составляет никакого труда. Какой ужас... Как же больно...

Горячие губы касаются моей макушки. Очевидно продолжает показушничать.

— Не смей, — рычу я сквозь слезы.

— Ну тише-тише, — еще и успокаивает меня мерзавец.

— Ненавижу... — шепчу, стуча ослабшим кулаком по его груди. — Ненавижу тебя...

— Это я уже понял, Варь. Но давай воздержимся от публичных сцен.

Ах воздержимся значит?! Даже при таких обстоятельствах все, о чем он думает это репутация! А если я не хочу больше ее беречь?!

Отлипаю от его уже мокрой от моих слез шеи и заглядываю в глаза:

— Я хоть что-то для тебя значу?!

— Варюш, я же попросил.

— Да плевать я хотела, что ты там... — не успеваю договорить, потому что горячие губы вдруг касаются моих влажных.

От неожиданности я даже рот приоткрываю и шокировано смотрю на мужа. Я уже и забыла, когда он последний раз вот так целовал меня. Не в лобик, как сестренку, не в щеку. А вот так прямо в губы...

Вовремя очухиваюсь — да он попросту мне рот закрыл. Лишь бы я не ляпнула ничего лишнего, пока вокруг все еще

много ушей.

Отталкиваю его:

— Даже не думай ко мне еще хоть раз прикоснуться своими грязными губами, иначе я буду кричать!

— Только попробуй рот открыть, Варя! — шипит мне в ухо, садясь вместе со мной в машину. — Была бы ты здоровая, я бы высек тебя за ту дурость, что ты сейчас устроила!

Что? Т-так... это я виновата?!

Визуал

Приветствую, девчата! Визуализация героев!

Наша Варюшка в своем красном платье, которое она надевает, чтобы "постараться" для мужа. Очень хотела удивить Пашу тем, что снова научилась ходить, но так вышло, что ему удалось "удивить" ее первым. Шокировать. Растоптать...

А вот и Павел Сергеевич, считающийся только с рейтингами, и хладнокровно не оценивший стараний жены.

Или... все же оценивший?

Глава 5. Варя

Я просто дар речи теряю от того возмущения, что меня распирает. Подаюсь вперед, желая слезть с колен мужа, но он одергивает меня, не позволяя. Почти до боли стискивает мою талию огромными ручищами.

Прикрыв глаза откидывает голову на подголовник, и яростно цедит:

— Пиздец. Пиздец, Варя.

— Я-я? — выдавливаю шокированно. — Значит это я виновата, в том, что ты член в штанах не удержал?!

— Да! — рывкает, пронзая меня ненавидящим взглядом. — Да, ты! Ясно?! Ты блядь себя видела вообще?!

От злости он встряхивает меня как какую-то тряпичную куклу. Неверящими глазами гляжу на мужа. Я его просто не узнаю. Я будто совершенно не знаю этого человека.

Слезы льются по щекам. Я буквально захлебываюсь ими.

— Я поняла, — выдавливаю коротко, и предпринимаю еще одну попытку выбраться из его ненавистных объятий.

— Что ты, блядь, поняла?! — он снова одергивает меня, разворачивая к себе за плечи, не разрешая пересечь на сиденье рядом.

— Поняла, что я беспомощная инвалидка, которая тебе противна, — шепчу, задыхаясь от боли. — Поэтому ты пошел налево. Вот и получается, что я виновата.

Если оценивать ситуацию с этой стороны, то выходит все так и есть.

— Нихуя ты не поняла! — рычит мне в лицо Паша, до боли сжимая мое тело. Взгляд его то и дело сползает к моей шее.

Снова откидывает голову на подголовник. Трет пальцами переносицу.

— На кой хер ты так вырядилась?

Вместо ответа просто всхлипываю. А Паша продолжает:

— Хотела отпраздновать свою месть красивым платьем? — ухмыляется зло. — Смешно.

— Ч-что? — теряюсь окончательно.

— Что ж, отомстила неверному мужу — можешь собой гордиться, моя милая, — его холодный взгляд вызывает дрожь по телу. — Ты сейчас одним роликом чуть не похерила десятилетия моих трудов. Теперь будешь исправлять.

— Н-ничего я н-не б-буду... — меня трясет так, что зуб на зуб не попадает, будто от холода. — Я н-на р-р-развод подаю!

— О, даже не надейся, малыш, — он ловит пальцами мой подбородок. — Пока ты не восстановишь то, что сломала, я тебя никуда не отпущу! Поняла меня?

— Н-нет! Это не я сломала! Это ты! Ты — предатель! — тычу его пальцем в грудь.

Он ловит мою руку и прячет ее в своей огромной лапище:

— Я тебя жалел до этого, Варюш, но сегодня ты перешла все мыслимые границы.

— Жалел значит? Так ты меня из жалости в жены взял? И эту шлюху трахал тоже из жалости ко мне?!

— Именно так!!! — рывкает, и я давлюсь собственными словами. — Я трахал ее, чтобы не трахать тебя! Неужели не понятно?!

— Понятно. Мне все понятно! — бьюсь в его руках. Стучу слабыми кулаками по его необъятным плечам. — Поэтому умоляю, просто отпусти меня! И проваливай дальше трахать тех, кто тебе не противен в отличие от меня!

Паша ловит мои руки и заводит их мне за спину:

— Угомонись, идиотка! — рычит мне в рот. — Ты мне не противна! В том и проблема! Что ты мне НЕ противна!

— Ах вот как?! И это для тебя проблема?

— Это проблема для тебя, Варь. Это тебе здоровье не позволяет трахаться столько, сколько мне необходимо. Так чего ты от меня хочешь?! Чтобы я целибат всю жизнь хранил?! Я блядь здоровый мужик, у которого есть потребности!

— Ну конечно. Выходит тот репортер задал вполне резонный вопрос: зачем тогда было брать в жены инвалидку непригодную для секса?! А?! — рывкаю ему в тон, извиваясь в его руках, стараясь выбраться. — Или ты вообще во мне женщину не видишь?! Считаешь у меня потребностей нет? И рта у меня нет, да? В отличие от той шмары!

Его взгляд недвусмысленно сползает к моим влажным от слез губам. Будто он в принципе впервые оценивает меня в сексуальном ключе:

— С тобой ведь так нельзя...

— Да с чего вдруг?! — взрываюсь я. — Считаешь мой рот не так хорош, как ее?! Или она умеет что-то, чего не умею я?! Да я ради тебя готовить в коляске научилась! Ты хоть знаешь, как это непросто?! Из зала своего не вылезаю! И даже хо... — осекаюсь, не хочу, чтобы он знал, что я ради него даже ходить начала заново. — Но, да ты абсолютно прав. Нельзя. Теперь тебе вообще ко мне прикасаться нельзя! — дергаюсь в его руках.

Он прижимает меня сильнее:

— Это я сам буду решать. Чего мне можно, а чего нельзя. Нас теперь ждет долгая работа по восстановлению моей репутации. Так что успокаивайся и будь пайнкой, пока я буду решать, как выкручиваться из того дерьма, что ты сегодня наворотила.

Глава 6. Варя

Паинькой значит?!

Окей. Я буду паинькой!

И пока он решает, как ему восстанавливать свои гребанные рейтинги, придумаю план, как свалить от этого предателя!

Вот и хорошо, что он не знает о том, что я ходить снова научилась, не будет ожидать, что я смогу от него уйти. В прямом смысле этого слова.

Должна признать беглец из меня конечно так себе — ходить мне пока еще довольно сложно, на длинные расстояния без отдыха я вряд ли пойду, а ступеньки преодолевать и вообще не особо получается. Но это все равно хорошее преимущество, чем если бы я продолжала быть наглухо прикованной к коляске.

Машина въезжает на подземную парковку какого-то многоэтажного здания. Я знаю, что у Паши несколько квартир по городу, он частенько остается ночевать в одной из них после долгих совещаний, чтобы не ехать домой за город. Ко мне.

Теперь-то я понимаю, что там за «совещания» у него такие до ночи.

А что? Очень удобно между прочим иметь жену-колясочницу. В виду своей несамостоятельности она вряд ли устроит рейд по квартирам мужа, чтобы проверить его верность.

Не станет и неожиданных сюрпризов устраивать, нагрянув в офис.

Она как растение: где посадил, там и найдешь. Верная как собака! Сидит и ждет дуреха возвращения мужа. Пока он развлекается с потаскухами...

— Приехали, — Паша вдруг принимается собирать мои волосы с одного плеча, и перекладывает их на другое. Очевидно, чтобы они не лезли ему в лицо, пока он будет нести меня в новую клетку.

Его прикосновения больно жгут кожу.

— И куда ты меня привез? В один из своих траходромов?!
— сама не знаю откуда в моем арсенале подобные слова, но я просто не могу удержаться от укулов в сторону предателя, наивно надеясь сделать ему так же больно, как он мне. Ну хоть чуть-чуть!

Но он как всегда невозмутим:

— Допустим. Дальше что?

— Почему сюда, а не домой? — на привычной территории мне проще придумать план побега, да и вещи мои все там. Но этого я ему конечно же не говорю.

— Потому что дом сейчас точно осадят репортеры, — как всегда расчетливо-холоден. — Перекантуемся пару дней здесь — об этой квартире журналюги еще не пронюхали, и у нас будет время выбрать модель дальнейшего поведения. Инесса скоро подъедет, она нам поможет.

— Не нам! А тебе, сволоч! Мне уже вряд ли кто-то сможет

помочь...

Он вдруг до боли стискивает в кулаке мои волосы, вынуждая меня запрокинуть голову. И подается навстречу:

— Кажется ты забылась, зайка, — тяжело дышит мне в лицо. — Со мной так нельзя разговаривать.

Шумно сглатываю, пытаюсь сдержать рвущиеся наружу обвинения. Ох, сколько всего я бы еще хотела ему сейчас сказать. Но промолчу для своего же блага.

Говорить стоит тогда, когда хочешь чтобы тебя услышали. А мне честно уже плевать. Я не хочу. Хочу просто избавиться от этого мерзавца в своей жизни!

Боже, как же больно...

— Ты поняла меня? — продавливают он.

— Д-да, — шепчу против воли, и чувствую, как по щеке сползает слеза.

Вместо того, чтобы отпустить меня Паша натягивает мои волосы еще сильнее, вынуждая меня еще больше запрокинуть голову, и утыкается в мою шею носом.

У меня дыхание сбивается:

— Какого черта ты делаешь?! — ерзаю у него на коленях, желая освободиться.

Грубая щетина больно оцарапывает тонкую кожу:

— Пусти! Пусти, гад! Не смей ко мне прикасаться! Ненавижу тебя! Ненавижу!

— Так и знал, что нихера ты не поняла. Упрямая, пиздец.

— В моем положении иначе нельзя! Либо борись, либо

умри оставшись овощем! Не дождешься!

Паша молчит долгие секунды, а затем как-то устало выдает:

— Варь, давай решим все полюбовно, а? — его губы щекотят шею. — Я правда не хочу делать тебе больно.

Поздно. Очень поздно. Больнее мне уже вряд ли можно сделать.

— Давай, Паш, — соглашаюсь, собравшись с силами. — Просто дай мне развод и отпусти.

— Это исключено, — отрезает безапелляционно. Подтверждая мои страхи: так просто он меня не отпустит.

— Тогда что ты подразумеваешь под «полюбовно»?

— Ну как у всех, — пожимает плечами. — Я подарю тебе колечко или машинку. Хочешь — дом новый. Или че там тебе надо? Может коляску какую навороченную? И мы оба сделаем вид, что ничего не было...

Глава 7. Варя

— Как у всех, говоришь? — шепчу болезненно. — Хорошо... Давай.

Явно совсем не ожидав от меня согласия Паша отстраняется от моей шеи, чтобы заглянуть мне в глаза. Рука в моих волосах становится мягче, муж прихватывает своей огромной пятерней мой затылок и притягивает меня к себе утыкаясь лбом в мой лоб:

— Умничка, — коротко целует меня в губы. — Оказывается ты умеешь удивлять.

О, ты себе даже не представляешь, как сильно я еще только планирую тебя удивить! Сейчас нужно только усыпить его бдительность, а затем сбежать на своих двоих!

Прикрываю глаза. По щеке снова скатывается слеза.

Паша обнимает меня за шею своими горячими ручищами, и шепчет в губы:

— Ну же, не плачь, — требует хриплым шепотом. — Прости все что хочешь. Только не плачь!

Все что хочу... Конечно...

Все, чего я сейчас хочу, это оказаться подальше от этого мерзавца. Но даже этой мелочи он не может мне дать. Рейтинги не позволяют.

— Браслет, — сухо выдавливаю я.

— Отлично, — подбадривает муж. — Золотой с брюлли-

ками?

— Нет. Кожаный хочу.

— Хорошо, какой-то конкретный присмотрела? Или я могу на свой вкус выбрать?

— Можешь на свой, — отвечаю тихо.

— Супер, я как раз вроде в новой коллекции Картье видел что-то подходящее...

— Нет, — торможу его, устало открываю глаза. — Не хочу Картье. Хочу, чтобы ты сам мне его сделал.

— Это как?

Кладу руку на его запястье, нащупываю браслет, который я ему сплела. Даже удивительно, что он постоянно его носит.

— Это вот так.

— Я думал ты его купила.

— М-м, — слезы глотаю.

Паша смотрит на браслет, будто впервые видит:

— Классно получилось, — целует меня в висок.

— Сделай мне такой же.

— Хорошо. Скажешь, где материалы для него найти?

— Не-а, — качаю головой. — Сам ищи. Ну или как ты там привык, с помощью своих прихвостней многочисленных.

— Варя, — его голос снова звенит от злости. — Завязывай язвить. Договорились же по-хорошему.

— В твоём представлении «по-хорошему», это когда я засунула язык в задницу и сижу как раньше тише воды, ниже травы? — цокаю и отрицательно качаю головой. — Так

больше не получится, Паш. Такую Варю ты только что уничтожил. Поэтому если не нравится, как я с тобой говорю — просто отпусти...

Водитель открывает нам дверь. Паша долгие секунды глядит на меня хмурым изучающим взглядом. А затем сгребает меня в охапку и вылезает из машины.

— Напишешь мне список первой необходимости, — говорит муж, входя вместе со мной в лифт. — Все, что тебе понадобится на ближайшие пару дней. Я попрошу, чтобы коляску привезли как можно скорее. Но от твоей свиты придется на эти пару дней отказаться, меньше народу — меньше вероятность, что нас здесь найдут. Если нужна будет какая-нибудь помощь, зови меня. Поняла?

— Мгм, — мычу еле слышно. Голова так кружится, что кажется вот-вот просто отключусь.

— Тебе нужно отдохнуть, Варь. Сейчас поспишь, а после поговорим. Договорились?

— Мгм.

Он выходит из лифта прямиком в квартиру. Не разуваясь проходит по длинному коридору, и входит в спальню.

— Скажи, если что-то понадобится, — он укладывает меня в кровать.

— Просто уйди, — шепчу, глядя ему в глаза. — Уйди, умоляю тебя.

Ему явно не нравится, что я указываю, что ему делать. Конечно, Павел Сергеич у нас привык руководить другими,

но никогда чтобы кто-то руководил им.

Хмурится. Стискивает челюсть так, что желваки играют под аккуратной бородой.

— Давай помогу тебе раздеться, — он тянет ко мне руки.

Вздрагиваю, и отшатываюсь:

— Не нужно. Не трогай!

— Варь, мы же договорились...

— Договорились, — киваю. — Но сначала подарок, а потом прощение. Чтобы «как у всех».

— Ладно, — он явно зол. Поднимается с кровати: — Я дам тебе немного времени. Но не думай, что позволю продолжать это слишком долго.

Глава 8. Павел

Блядь, я так прокололся! Это ж надо...

Столько лет усердной работы, а меня едва не сгубила эта бестолковая дурочка со своей ревностью. И надо же какое шоу подготовила? Вырядилась, целую речь толкнула о том, как она сильно расстаралась чтобы приготовить для меня этот сюрприз, видос же где-то нарыла. Пиздец!

Выпиваю залпом третий стакан виски. И смотрю на часы. Уже восемь вечера. Инесса все не едет, видимо до сих пор с этими журналогами разбирается.

Интересно что она скажет. Насколько плохи мои дела. От этой женщины сейчас вообще много чего зависит. Меня бесит, что без ее команды я сейчас вообще ничего делать не могу.

Инесса — высококласный специалист. И за это я ее очень ценю и терпеть не могу одновременно. Она буквально контролирует каждое мое слово и каждый шаг. Как фильтр отсеивает все, что может испортить мою репутацию. А я терпеть не могу, когда мне указывают. Но понимаю, что она мне нужна, потому сам и выбрал ее. Если не буду следовать ее советам, то вряд ли смогу и дальше поддерживать «благожелательный имидж». Сам по себе я мало «благожелательный». Вон, даже с собственной женой не смог контакт наладить. Так что уж говорить об избирателях тогда.

В бешенстве швыряю телефон на диван, и нервно поднимаюсь на ноги.

Хуй знает, где мне искать этот самодельный браслет! Ну не самому же плести в конце концов?!

Ага, щас. Заняться же больше нечем.

Вот же сучка мелкая! Будто она мне без этого мало проблем организовала.

Нет бы этот пресловутый гвоздь от Картье попросила. Но нееет, наша Варя явно шарит в пытках. А раз я уже сам предложил мировую, то теперь придется где-то нарыть этот ебанный браслет.

Смотрю на свой. Сама значит плела? Нахуя? Можно же купить и не ебать мозги ни себе, ни людям.

Скольжу пальцем по тонкому плетению. Вот же глупая. Все у нее ни как у людей!

Будто на автопилоте шагаю к спальне, где осталось мое наказание. Надо убедиться, что она не удумала еще какую пакость. Мало ли. Кто ее знает, что ей еще в голову взбредет?

Заглядываю в комнату. Спит вроде.

Свернувшись калачиком на одеяле. В своем неуместном блядском красном платье.

Нахера спрашивается было так выражаться? Платье мести? Тоже мне, принцесса Диана нашлась.

Подхожу ближе. Точно спит.

Надо укрыть наверно.

Присаживаюсь на край кровати, изучая припухшее от слез

кукольное личико.

Красивая она, пиздец.

Провожу костяшками пальцев по розовой щечке. Варя судорожно всхлипывает во сне.

— Обидел, блядь, — убираю растрепавшиеся волосы с красивого лица. — Но ты никогда не должна была увидеть этого.

Замечаю, что мочка ее ушка немного замялась от тяжелой серьги.

Придвигаюсь ближе, чтобы снять ее. В нос ударяет сладкий запах малины.

Ебать...

Прикрываю глаза вдыхая полные легкие.

Это становится проблемой. Я ведь и ни на какую мировую с ней идти не собирался. Думал убью суку за то, что так подставила меня. Но она так пахнет. По-детски что ли. Это мешает злиться на нее.

Мои огромные пальцы вовсе не годятся, чтобы снимать с таких миниатюрных ушек серьги. Поэтому получается с трудом. Но получается.

Откладываю сережку на тумбочку. Скольжу пальцами по тонкой шейке, поправляю золотую цепочку. Очерчиваю острую ключицу.

Была бы она здоровая, сегодня бы все мужики в зале просто кончили от ее вида. И платье это... охуеть просто.

Накрываю шершавой ладонью обнаженное плечико.

Куколка она. Идеальная.

Не повезло ей со мной в жизни встретиться. Жила бы себе сейчас любимой женой какого-нибудь желторотика. В обычной хрущевке где-нибудь на окраине.

Но нет же...

Ей достался я.

Глава 9. Павел

Подхватываю легкую ручку, и осторожно стягиваю с нее перчатку. Миниатюрная ладонь вся в мозолях. Пиздец. Загнала она себя в своем зале.

Может стоит ограничить ей занятия? Но она ведь грезит на ноги встать. Если попытаюсь запретить возненавидит меня еще сильнее. А я и без того сейчас для нее враг. Вон как дурит, бестолочь.

Что странно, врачи ей никаких оптимистичных прогнозов с самого начала не давали, но она, — просто непроходимая упрямица, — почему-то решила, что если она постарается, то у нее непременно все получится.

Хоть бы так. Меня уже заебало чувство вины перед ней...

Стягиваю со второй руки перчатку и целую ладонь. Чувствую собственный перегар, и отнимаю ладонь жены от лица.

Блядь, не стоило столько пить. Каждый раз как выпью перестаю себя контролировать. А мне сейчас как никогда ясный рассудок нужен.

Опускаю руку Вари на кровать, но из своей не выпускаю.

Она такая хрупкая, откуда в ней столько сил, спрашивается? Я-то и прикоснуться к ней лишний раз боюсь, будто сломаться может. Снова. А она вон, до грубых мозолей занимается.

— Ммм, — мычит сквозь сон, — Виталь...

Виталь?

Спокойно, Вяземский. Этот Виталя всюду за ней таскает-ся, а ты домой заявляешься два раза в неделю хорошо если. Формулировка так себе.

Будто по праву нахождения с ней рядом у какого-то там Витали есть на мою жену больше прав, чем у меня.

Бля, да он просто ее доктор!

Ну не трахает же он ее в конце концов? Кто в здравом уме захочет ебать инвалидку?

Знаю только одного такого долбоеба...

— Ммм, — снова мучительно стонет Варя, хнычет сквозь сон. — Дышать... тяжело...

Дышать значит?

Наблюдаю, как тяжело вздымается ее грудь, сдавленная тесным платьем. Нужно раздеть ее.

Осторожно переворачиваю Варю на бок. Нахожу молнию и аккуратно расстегиваю. Но заметив темное пятно на ребрах замираю...

Это еще что такое?

...

Девчата! Осталось всего 25 подписчиков до 13 тысяч и будет еще одна продка! Но вижу, что многие просто не знают, где подписаться на автора. Показываю:

Глава 10. Варя

Резко просыпаюсь, будто из-под толщи воды выныривая. Это кошмар... просто кошмар...

Нет. Судя по тому, что я все еще в этой спальне этот кошмар произошел со мной наяву.

Дышу шумно. Оглядываю комнату — предателя нигде не видно. Слава богу. Не хочу его сейчас видеть. Не могу!

Из глаз тут же брызгают слезы. И я повсюду чувствую его запах. А еще у меня жутко болит мочевой. Надо срочно пописать.

Черт.

Мне некого позвать на помощь. Кроме него.

Но я лучше поползу в туалет по-пластунски, чем унижусь до просьбы о помощи предателю.

Откидываю одеяло и обнаруживаю, что совершенно голая. Вернее в одних трусах. Точно помню, что засыпала в одежде. Еще переживала, что дышать тяжело...

Это он?.. Он раздел меня? Как вообще посмел в комнату входить, пока я сплю?! Я ведь просила оставить меня одну! Как может прикасаться ко мне после своих шлюх?!

Мерзавец!

Меня трясет от боли и гнева. Но мочевой болит так сильно, что мне приходится отбросить злость и срочно соображать как помочь себе самой.

Рядом с дверью ведущей в коридор есть еще одна дверь, скорее всего та, что мне и нужна. Но комната довольно большая. И после такого нервного перенапряжения я не уверена, что смогу справиться со своими непослушными ногами.

Страшно.

Но описаться прямо в кровати еще страшнее. И звать мерзавца тоже.

Как назло одежды моей нигде не видно, а искать ее у меня просто нет времени.

Спускаю ноги с кровати.

Ты сможешь, Варя. Ты очень долго шла к этому и много раз пробовала. Все получалось. Получится и сейчас. Плевать на стресс. Тебе это нужно...

Ставлю ноги на пол. Упираюсь руками в кровать. Поднялась!

Умница, умница...

Подбадриваю себя, как это обычно делает Виталик. Он еще каждый раз припоминает мне мою цель. Заставляет представлять лицо Паши, когда я вот так встану и пойду. И это придавало сил. А сейчас...

У меня коленки подкашиваются.

Снова хвастаюсь за кровать.

Не смей думать о предателе! Ты все сможешь и без него! Для себя! Хоть раз для себя, Варя!

По щекам льются слезы, но я понимаю, что сейчас мне это действительно нужно как никогда раньше.

Я делаю шаг. Еще один. Сложно, но выбора нет.

Спасительная кровать остается позади. Ноги дрожат, но мне нужно.

Еще шаг. До нужной мне двери остается примерно такое же расстояние, как и до кровати. Поэтому теперь назад дороги нет.

Еще шаг...

Больше никто мне не поможет. От Паши я помощь не прииму. А вся моя «свита» — наемный персонал, на который у меня не будет средств, когда я сбегу от предателя...

Как он мог?..

За что..

Не успеваю остановить поток убивающих меня мыслей. Он заполняет голову, высасывая силы.

Чувствую, как ноги подкашиваются. С отчаянием смотрю на спасительную дверь и с грохотом падаю на пол. А бедрам становится унизительно тепло...

Худшего расклада и не придумаешь.

Глава 11. Павел

Услышав грохот врываюсь в спальню.

Варя голая сидит посреди комнаты. Вся в слезах. Зло глядит на меня своими охуительно голубыми глазами. Длинные золотистые волосы разметались по ее обнаженному телу. Русалка, ей богу.

— Вон отсюда! — вопит на меня сквозь слезы. — Еще шаг и я убью тебе, клянусь!

Ого. Да не русалка, сирена самая настоящая. Фурия. Никогда еще не видел свою кроткую жену такой.

У меня аж привстал.

— Как ты тут оказалась?.. — осекаюсь, заметив, влажное пятно под ней на ковре. — Глупая девчонка! — рявкаю яростно. — Я ведь велел позвать меня, если что-то будет нужно!

— А мне от тебя ничего и не нужно!

Подхватываю ее на руки, игнорируя сопротивление.

— Не трожь меня! Не смей! Отпусти!

Врываюсь в туалет и опускаю ее на унитаз:

— Тебе ведь нельзя терпеть! Забыла?! — рычу ей в лицо, закидывая ее руки себе на плечи. — Держись за шею.

Слушается наконец-то. Слегка приподнимаю ее и стягиваю мокрые трусики:

— Еще одну дурость выкинешь, клянусь, не посмотрю на

твое состояние, высеку, Варя! Отвечаю, высеку!

В груди рокошет такая злость, что мне реально бешенных усилий стоит сейчас в руках себя держать.

— Выйди! — требует обиженно.

— Чего я там не видел?

— Уйди говорю! — практически визжит. — Я расслабиться не могу пока ты смотришь.

Сдергиваю с ее босых ног трусики и закидываю их в корзину для белья.

Отворачиваюсь.

Иду к ванной. В бешенстве дергаю смеситель и, настроив теплую воду, затыкаю слив.

Возвращаюсь к жене:

— Закончила?

— Я же попросила уйти. Мне твоя помощь не нужна.

— А чья нужна? Хочешь Инессу потороплю?

— Нет! Я сама! Сама все могу!

— Ага, как же, — киваю скептически и подхватываю упрямую девицу на руки.

Молчит. Сжалась в отчаянный комок в моих руках. Плачет. Так что я опять даже злиться на нее не могу.

Опускаю Варю в теплую ванную.

— Хочешь соль какую добавлю? — спрашиваю, пытаюсь ее отвлечь.

— Просто уйди! — требует она непреклонно.

— Да не уйду я, угомонись уже, — твердо говорю я. —

Еще не хватало тебя в ванной одну оставлять. Ты тут утопишься, а мне потом еще и твое убийство пришьют — оно мне надо?

— Точно. Рейтинги же, — безжизненно говорит она.

— Хорошо тебе, правда, — устало тру ладонью лоб, силой воли пытаюсь заставить себя не пялиться на свою обнаженную жену. Кровь сейчас явно не в той голове: — Не дуйся.

— Ты пьян?

— Совсем немного выпил, — достаю всякие пузырьки из шкафчика рядом с ванной. — Так что? Соль?

— Пену, — велит она, в который раз поддавливая мой взгляд на своей груди.

Она у нее красивая. Небольшая. Но подтянутая и такая упругая на ощупь...

— Налей пену и хватит пялиться, Павел Сергеич! — грозно требует Варя, и пытается прикрываться руками.

Я как послушный пес лью пенку своей принцессе в ванну. Слегка взбиваю руками, не переставая наблюдать на своей обнаженной и очень обиженной женой. Ебать, она еще и побритая вся.

Пиздец мне...

Поправляю член в брюках. И принимаюсь расстегивать рубашку.

— Ты что... что ты д-делаешь?! — шепчет испугано Варюша.

Глава 12. Варя

— Мыть тебя буду, — говорит Паша, вытаскивая из шкафчика принадлежности.

— Н-нет...

— Да, Варь. И можешь не спорить, — он подходит ближе.

— Не смей. Не трогай меня. Я сама в состоянии справиться! — взгляд против моей воли липнет к его широченной груди, покрытой темной порослью волос, сползает по кубикам пресса.

Боже, мои пальцы покалывает от желания потрогать его. Я так хотела... Я так о нем мечтала. Мечтала, чтобы мой муж прикасался ко мне. А он тем временем предпочитал лапать других женщин!

— Не надо, прошу тебя, — шепчу еле слышно.

Паша опускается у меня за спиной на корточки. Игнорируя мой протест собирает мои волосы своими огромными ручищами.

Чувствую запах виски.

Он пьян. И это очень плохо. Для меня. И для моего бедного сердца.

Нет, он не обидит. Наоборот. Будет непривычно нежен и ласков. До боли.

Каждый наш секс случался тогда, когда мой муж слегка выпивал. По трезвой он обычно только строго холоден ко

мне. А вот когда выпьет...

— Ебать, какая ты красивая, малышка моя, — его пальцы скользят по моей шеи к плечу.

...он начинает вести себя почти так же, как на людях — играет со мной в любовь.

— Паш, пожалуйста, — слезно прошу я, потому что изголодавшееся по нему тело выдает вполне закономерную реакцию — покрывается мурашками от удовольствия.

Одному дьяволу известно, как сильно я ждала наших семейных праздников, где Паша мог позволить себе пропустить пару стаканчиков виски. Ждала этой его ненатуральной нежности. Купалась в его любви. А потом он трезвел и вновь возвращался Павел Сергеевич, который никогда не позволяет себе лишнего.

Вздрагиваю, когда его губы касаются моей шеи:

— Нет! — отстраняюсь в ужасе.

Я сейчас на его боюсь. Себя. Собственного тела и его вполне ожидаемой реакции на прикосновения мужа.

Телу не объяснить, что он изменил.

Телу не больно от предательства.

Тело совершенно определенно привычно хочет его.

Паша берет в руки лейку от душа:

— Прикрой глазки, радость моя.

— Паш, перестань, прошу.

Вместо ответа он переключает воду на душ. Заботливо проверяет ее рукой и направляет мне на голову.

Резко сажусь в ванной, отставая от бортика, и поворачиваюсь к мужу:

— Да что ты творишь?! На пол ведь льется!

— И плевать, — пьяно ухмыляется.

— Так нельзя. Нужно что-то подставить.

— Не нужно. Там есть слив.

— Да, но полы все равно будут мокрые. Виталик каждый раз говорил Ольге мыть мне голову над тазом, чтобы не разводить сырость. Иначе потом не безопасно меня вытаскивать из ванной.

Замечаю, как лицо Паши мрачнеет:

— Этот хуй тебя и из ванной вытаскивал?

Глава 13. Варя

Не понимаю суть претензии, поэтому отвечаю предельно честно и слегка язвительно:

— Представь себе, он ведь мой доктор!

— Доктор, а не сиделка, — рычит Паша. — И не санитар. И в его обязанности не входит лапать мою голую жену.

— Да что ты?! — возмущаюсь я. — А еще в его обязанности не входит привозить мне вкусности и цветы, чтобы поднять мне настроение! И жарить для меня картошку вечерами после трудной тренировки, на которой мы добились прогресса. И по паркам меня выгуливать! И что дальше?! Он не просто мой физиотерапевт, он мой друг!

— Я ему плачу за эту дружбу! — рывкает Паша. — Но не за то, чтобы он мою жену трогал!

— Именно за это, Паш! Именно за это! — меня несет и я не могу остановиться. — И он меня в таких местах трогал, где моему мужу и не снилось даже! В разных позах, мой дорогой! Особенности лечения такие, знаешь ли.

В его огромной руке хрустит душевая лейка. Вижу, как на лице Паши играют желваки. А взгляд яростно мечется по моему лицу, будто он там что-то найти пытается:

— У тебя с этим хуем что-то было? — цедит он.

Ох, как же мне сейчас хорошо...

Да, я крайне возмущена тем, что он вообще обо мне мог

так подумать. Но как же мне сейчас нравится наблюдать это смятение вперемешку со злостью на его лице.

— А если и было, то что? — с вызовом бросаю я. — Он в отличие от тебя почти двадцать четыре на семь рядом со мной. Для него важно мое здоровье и мои успехи! А для тебя только твои гребанные рейтинги!

— На вопрос отвечай! — требует непререкаемым тоном. — Было или нет?!

— А что ты сделаешь, если было? — не могу остановить. — Разведешься со мной?! Валяй! Я может только этого от тебя сейчас и хочу...

Затыкаюсь, потому что Паша вдруг со злости дергает сжатую в руке лейку и к чертям вырывает смеситель из ванной.

В потолок ударяет фонтан воды. Но я не успеваю даже возмутится, когда мой муж прямо в брюках запрыгивает ко мне в ванную и впивается в мои губы яростным остервенелым поцелуем...

Глава 14. Варя

Огромные руки до боли сжимают мои бедра. Кожа в мыле, поэтому пальцы Паши соскальзывают. Он хватается снова. Притягивает меня к себе в объятия. Жадно врывается языком в мой рот. Запутывается влажными пальцами в мои волосы.

Отвечаю ему по инерции. Как всегда делала. Просто по привычке. Скольжу пальцами по его мощной груди, оцарапывая кожу ногтями. Мое тело ноет от сладкой боли. От предвкушения удовольствия.

Но ему не бывать...

Я ненавижу его. Ненавижу.

Прихожу в себя и принимаюсь молотить кулаками по плечам предателя. Упираюсь. Царапаю его до крови. Отталкиваю.

Он наконец подчиняется, но не отстраняется далеко. Тяжело дышит мне в рот:

— Хочешь знать, что я сделаю, значит? — хрипит. — Я его грохну. Грохну твоего этого Виталию. Клянусь тебе. Если узнаю, что к тебе хоть один хер прикоснулся, отрублю нахуй и заставлю сожрать. Ясно объясняю!

— Ты чудовище! — цежу я.

— Я все еще жду ответ, Варя!

— Да не было у нас ничего! — взрываюсь я истерикой, не

имея права подставлять Виталика. — Не было, доволен?!

— Ты сказала, что из ванной доставал, — припоминает он. — Какого хуя?

— Ольга тогда спину сорвала! Попросила его помочь. Мы сначала воду в ванной спустили, меня вытерли и одели! Так что не смей Виталика трогать!

Он грубо поглаживает мою шею. Едва касается моих губ своими:

— Ты — моя, поняла меня? Моя собственность, блядь! Ясно тебе?

— Не дожدهшься, — шиплю ему в рот. — Я не вещь... — осекаюсь, потому что дверь в ванну вдруг отворяется и на пороге появляется Инесса.

— Ух ты ж. Доброй ночи, голубки! — фыркает раздражающая дамочка, оглядывая залитое водой помещение. — Слава богу ты собрался сам ее убить, Паш, иначе, за все, что она натворила, это бы сделала я...

— Рот свой закрыла нахуй и вышла отсюда, Инесса! — рывкает Паша, вынуждая даже эту злобную суку вздрогнуть. У нее явно глаза сейчас из орбит вывалятся.

Еще бы, он должно быть еще ни разу не говорил с ней в таком тоне:

— Тебя стучаться не учили, когда в чужой домходишь?! Я вообще-то с женой разговариваю! — продолжает грохотать он. — Жди меня в зале и пока погугли что такое хорошие манеры и элементарная субординация!

Инесса выходит громко хлопнув дверь. А я напряженно смотрю на мужа.

Это на него не похоже. Он ведь обычно добрый, когда выпьет. А с этой мадам и вовсе никогда себе не позволял грубости. Что же тогда ждет меня?!

— П-паш...

— Мытье головы придется отложить, зайка, — он осторожно убирает с моего лица растрепавшиеся влажные волосы. — Пока отнесу тебя в свою спальню. И вызову мастера. Ладно?

Киваю испуганно. Его перемены настроения меня напрягают.

— Поговорю с Инессой и мы продолжим с того, на чем остановились.

— Не надо.

— Я не предлагаю выбора, Варь, — он подхватывает меня на руки и вылезает из ванной.

Прихватив полотенце заворачивает меня в него, и, оставляя мокрые следы по всей квартире направляется к своей спальне.

Укладывает меня в свою кровать, и стягивает спасительное полотенце. Спешу спрятаться под его одеяло, натягивая его до самого носа.

Паша наблюдает за моими манипуляциями.

— Хватит уже пялиться, — требую я.

Он молча отходит к шкафу и принимается снимать мок-

рые брюки. Вместе с трусами.

Ненавижу!

Отворачиваюсь на бок.

— К слову, я не такой ханжа как ты, — усмехается. —

Можешь пялиться на меня.

— Иди к черту!

— Именно к ней сейчас и собрался, — его голос звучит слишком близко.

Моей спине становится холодно, будто он поднял одеяло.

Резко поворачиваюсь и спешу спрятаться от гада:

— Какого хрена?! — рычу.

— Что за синяк у тебя на спине?

Я не могу ему сказать. И надеюсь не придется. Нужно успеть сбежать до того, как он потребует от меня ответа.

Глава 15. Варя

— Отвечай, Варь, — требует непреклонно.

— Я не обязана отчитываться перед тобой за свои синяки!

— фыркаю, желая, чтобы он поскорее ушел. — Раньше тебя не волновало...

— А теперь волнует, — грубо перебивает он. — Если не ответишь, придется камеры смотреть.

Только ни это...

Проблема в том, что мне так сильно хотелось поскорее научиться ходить, что я начала вставать из коляски везде, где была такая возможность и не было лишних глаз. В том числе и глаз моих надсмотрщиков. Мне казалось, что они слишком осторожничают, из-за чего я могла бы не успеть приготовить мужу сюрприз к дню рождению. А мне очень хотелось...

Вот так я однажды и свалилась. Ольга тогда так испугалась, что даже отчитала меня, хотя обычно моя сиделка ко мне весьма добра и вежлива. Эдакая тетушка, с которой чувствуешь себя, как с близким другом. Мне даже стыдно стало за свое необдуманное поведение. Я потому попросила ее не говорить ничего даже Виталику. А уж тем более Паше. Иначе бы и Ольга выговор получила бы за то, что меня без присмотра оставила. И мой секрет бы быстро перестал быть секретом.

Теперь и подавно всего этого рассказывать мужу не пла-

нирую! Не хочу, чтобы он знал о моем козыре. Иначе, узнай он, что я хожу, точно укрепит охрану на входе, чтобы я не сбежала. А значит и видео с камер ему видеть нельзя.

— Пересаживалась из коляски на кровать, — вру я. — Неудачно.

— А свита твоя где была? — продолжает допытываться, надевая брюки.

— Так ночью было. Я в туалет захотела. Виталья в это время уже уезжает. А Ольга спала. Не хотела ее будить.

Он зло выдыхает, просовывая руки в рукава свежей рубашки, и садится рядом со мной на кровать:

— Варь, — накрывает мои пальцы своими.

Одергиваю ладонь.

Играя желваками таранит злым взглядом мою непослушную руку. Прикрывает глаза. Трет переносицу:

— А если бы ты что-то сломала? Я ведь плачу всем этим людям не для того, чтобы они спали, пока ты травмируешься, — вновь уставляется на меня строго. — Ну хочешь я еще одну сиделку найму. Пусть посменно рядом с твоей кроватью дежурят?

— Не нужно мне посменно у кровати дежурить! — отрезаю я. — Я взрослый самостоятельный человек, а не ребенок беспомощный!

— Варь, сейчас не до упрямства. Это твое здоровье.

— Вот именно! — взрываюсь я. — Мое! А ты игнорируешь мое желание быть самостоятельной. Просто потому, что

тебе нужна беспомощная жена. Для рейтингов видите ли полезно!

— Что ты несешь?

— А что, разве не так? — раздраженно пожимаю я плечами. — Ты ведь только подтверждаешь эту теорию своим неадекватным желанием обложить меня ненужными мне няньками! А сам тем временем развлекаешься на стороне! Ведь жалкая жена тебе нужна только для гребанных рейтингов — не более! Для всего остального можно найти блядей на любой вкус!

— Ты ведь не простишь меня, да? — он хмурится.

Прикусываю язык. Ведь собиралась его бдительность усыплять «хорошим поведением». А сама не сдержалась и наговорила всякого.

— Мне просто время нужно, — уклончиво отвечаю я, и отвожу взгляд, чтобы он не видел всю мою праведную ярость.

У меня изнутри все клокочет. Хочется и дальше поносить этого гада на чем свет стоит.

За все!

За то, что не верит в меня. За то, что в любовь со мной играл. И продолжает играть, мерзавец! За то, что предал!

— Иди уже к своей гримзе, — велю, чувствуя, что могу не сдержаться. — Я устала. Хочу поспать.

Он все же ловит мою руку. Подносит ее к своим губам и целует каждый палец:

— Дело не в том, что мне нужна беспомощная жена для рейтингов, малыш. Дело в мозолях на твоих руках, — он целует мою огрубевшую от тренировок ладонь. — И синяках на твоём теле.

— Повтори это, когда будешь трезвым, — говорю, стараясь сдерживать яд в голосе.

— А зачем? — он поднимает взгляд мне в глаза, и кажется будто улыбается Глазами на этот раз. — Настоящий я как раз, когда выпью, малыш. Потому что под градусом не могу себя контролировать, — он вдруг подается мне навстречу и коротко касается моих губ.

Отшатываюсь и ошарашенно смотрю на мужа. Что с ним опять?

— Спокойной ночи, моя девочка, — улыбается предатель. — Я сожалею о том, что недостоин тебя.

Глава 16. Павел

— С чего такая уверенность что это она? — я если честно сам уже сомневаться начал, а вот Инесса походу даже не пытается подвергнуть сомнению, что сегодняшнее представление организовано моей женой. — Для девчонки в коляске слишком хорошо сработано.

— Именно потому, что ее никто и подозревать бы не стал, — раздраженно отвечает моя пиарщица. — Флешка ее, отпечатки на ней только ее и твоей секретарши. Секретарша человек проверенный...

— А жена моя значит на твой взгляд не проверенный?

— Мы оба знаем, что Варваре есть за что тебя ненавидеть и без сегодняшнего инцидента. Так что не обманывайся тем, что она беспомощная инвалидка, Паш.

— Инна, — протягиваю зло. — Может ты не в курсе, но для людей с ограниченными способностями слово «инвалид» практически ругательное.

— Зато оно прекрасно передает суть, — безразлично пожимает плечами.

— Слово «нигер» тоже прекрасно передает суть, но используй ты его в неподходящем месте, можно и за решетку попасть, — стараюсь держать себя в руках, хотя выбесила она меня знатно своим неуместный вторжением в ванну. — А еще слово «стерва» вполне отражает суть некоторых сук,

однако почему-то его непринято использовать в деловой беседе.

— Я поняла тебя, — фыркает недовольно.

— Ладно с женой своей я сам разберусь. Пробью еще по своим конам как к ней в руки могло это видео попасть. Ты лучше скажи, какие у меня теперь шансы в гонке.

— Ну тут могу тебя только похвалить, если честно, — она наконец более активно включается в диалог. — Я продолжила распространять твою легенду о том, что видео старое, так что с этим относительно замяли. Но для подтверждения рекомендую какое-то время потаскать за собой свою инва... жену. Пусть восстанавливает тебе репутацию. Завтра же выйдете в свет...

— Не могу завтра, — перебиваю ее. — Варя сейчас явно не готова еще вернуться к роли примерной супруги. Мне нужно пару дней, чтобы договориться с ней.

— Договориться? Ты шутишь, Паш! — шипит Инесса. — У нас сегодня чуть вся кампания по пизде из-за нее не пошла! А ты с мелкой сучкой договариваться собрался?!

— Рот свой закрой, Инна! — не выдерживаю. — Сейчас вся наша кампания как раз и находится в руках этой мелкой сучки, как ты выразилась. Спешка с ней может только против меня сыграть. Так что сначала я с женой своей разберусь, а потом светиться с ней начнем. Можешь пока пустить слух, что ей поплохело от всей той нервотрепки, что нам на мероприятии устроили. И что я как верный и преданный муж не

отхожу от ее больничной койки. Пока они будут скакать по больницам в наших поисках, мы глядишь уже и в свет вернемся.

— Ладно, как скажешь, — отвечает недовольно. — К слову о слухах, — она поднимается с дивана, явно собираясь наконец свалить. — Надеюсь ты уже начал воплощать в жизнь собственноручно распущенный? Поверь моему опыту, эти пиявки из «Сегодня» теперь просто так не отвяжутся. Надо было думать о том, что заявляешь при них.

— Ты о чем?

— Как же? Ты уже забыл? — язвит сука. — Если в ближайшие месяцы у твоей любимой женушки не появится намеков на беременность, нам придется еще и доказывать, что ваш брак не фиктивный.

— В смысле? — замираю со стаканом в руке, не успев донести его до рта.

— В том смысле, Паша, что тебе необходимо срочно трахнуть свою обиженную Варюшку. Да не просто трахнуть, а заделать ей ребеночка. Ферштейн?

Непонимающе смотрю на Инессу:

— Она ж в коляске.

— И? Это же не мешало тебе заявить на весь мир, что она уже беременна от тебя?

— Одно дело сказать... — чет меня аж из колеи выбили ее слова. — Но для нее и себя-то обслуживать проблематично, хочешь, чтобы я ей еще проблем в виде беременности подки-

нул? Не кажется тебе, что это слишком? Подождем немного и распустишь слух, что у нее выкидыш случился, или что-то в этом роде, мол не смогла выносить.

— Ц, — отрицательно качает головой. — Прости, Паш. Я бы и рада замять это дело. Но эти гондоны из «Сегодня» походу реально где-то ее карту надыбали, не отвертишься, что она здоровьем по этой части слаба. Не отстанут пока не увидят твоих наследников. Иначе так и продолжат слухи распускать, что брак у вас фиктивный. Так что будь добр, уж тут постарайся как следует. И не затягивай. Иначе обосремся похлеще сегодняшнего.

— Пусть обосремся, — зло отмахиваюсь я. — Я не стану делать ей ребенка, — отрезаю категорично.

Инесса с каким-то раздражающим подозрением тарашит-ся на меня:

— Ты че, вообще с ней не спишь, Паш? Я конечно все понимаю, но ты хоть осознаешь, чем это грозит? А если твоя эта Варя обидится настолько, что решит рот свой открыть и все рассказать? У вас же брак по сути и правда выходит фиктивный, а значит...

— Да сплю я с ней! — рявкаю, но тут же озираюсь на дверь в свою спальню. Понизив тон продолжаю: — Тебя вообще ебать не должна наша половая жизнь.

— Не будь я твоим пиарщиком, и не ебала бы. Но когда ваши половые проблемы вылезают как сегодня — отдуваться вообще-то мне приходится! Если все равно трахаешь ее, то

что за проблема разок вовремя не вытащить? Нам это сейчас нужно, Паш.

— Тебе нужно, ты и рожай.

— Была бы я твоей женой – без проблем. Но это делу не поможет, а только усугубит. Так что тут я вам ничем не помогу. Придется без меня. Кончи разок, чего тебе стоит?!

— Я не буду в нее кончать! — рявкаю.

— Да в чем проблема-то? Если ты уже все равно преодолел барьер перед сексом с инвалидкой, то что тебе мешает?

— Блядь, Инна, — рычу я, угрожающе поднимаясь из кресла. — Я не буду делать беспомощной девчонке ребенка ради рейтингов. Хватит уже и того, что ты меня женила на ней из-за них же...

Глава 17. Павел

Выпроводив наконец Инессу возвращаюсь в комнату к Варе. Не включая свет прохожу к кровати. И вглядываюсь в темноту.

Спит вроде. Хорошо. Я устал сегодня как собака. Все эти выяснения отношений так заебали. Хочу просто лечь спать.

Быстро раздеваюсь и влезаю под одеяло. Ладонь привычно нащупывает худенькую спинку рядом. Веду пальцами вдоль выпирающего позвоночника, вспоминая, что оставил жену совершенно обнаженной.

Это не хорошо. Надо бы одеть ее. Но мне так не в кайф вставать уже.

Накрываю ладонью тонкую шейку. Поглаживаю нежную кожу.

Люблю вот так ложиться к ней в кровать.

Когда она просто такая красивая лежит рядом со мной не остается и намек на какую-то ее неполноценность. Коляска же всегда напоминает о моей ошибке. Всегда будто клеймо. Я знал, что не нужно было вестись на уговоры Инессы и жениться на Варе. Но блядь... Просто устоять не смог. Как какой-то больной коллекционер просто захотел ее себе, как красивую куклу, хоть и с особенностью.

Может если бы она была страшненькой, я бы и отказался. Или если бы была не столь наивной. А я поплыл от этой ее

девичьей нежности с первой же нашей встречи.

Утыкаюсь носом в ее волосы. Они все еще пахнут малиной. Притягиваю хрупкую фигурку к себе в объятия.

Наверно пока она ходила у нее отбоя от поклонников не было. Но она мне досталась. Девочкой к тому же.

Признаться, я ведь и правда вообще с ней спать не соби-
рался. Вообще не представлял, как это ее больную тронуть.
Но я тогда выпил слегка в день нашей росписи. А Варя но-
чью ко мне так прижалась доверчиво...

Мне показалось, что она ждет. Да я представить боюсь,
как бы обидел ее, если бы не прикоснулся. И я ж в конце
концов мужик в первую очередь. А она такая...

Варя ерзает во сне, вынуждая меня затаить дыхание. На-
крываю ладонью ее упругую грудь. Целую затылок, затяги-
ваясь ее пьянящим запахом.

...огуенная она.

— Паш... — звучит едва уловимое.

Напрягаюсь. Сейчас опять возмущаться начнет. Преда-
тель я, изменщик. Но что поделать. Ей здоровье не позволя-
ет трахаться столько, сколько я хочу. А хочу я ее всегда.

Гребанный извращенец.

Буквально постоянно хочу. Но не могу тревожить ее по-
стоянно. Приходится спускаться во всяких подручных сук.

Глупая, говорит, мол рот у нее не такой. Да мне подобное
попросту в голову не приходило. Ведь моя жена недоступный
для меня ангел. Я и так порой перехожу черту.

А тут еще Инесса требует ребенка делать. Да разве я могу так обременить девочку в коляске?

Интересно, а она бы хотела стать мамой? Наверно да. Все девочки ведь рано или поздно хотят. Может она потому и на ноги встать хочет? Чтобы вернуть самостоятельность и иметь возможность о малыше заботиться.

Это вполне разумное объяснение тому, как она беспощадно к самой себе надрывается в реабилитационном зале. Но боюсь она излишне оптимистична в этом вопросе.

Хотя, чего греха таить, я был бы рад, если бы она однажды встала на ноги. Тогда можно было бы и о ребенке подумать.

— Паш, — снова шепот. И тишина.

Это она во сне меня зовет что ли?

Осторожно разворачиваю Варю к себе лицом. Целую кончик вздернутого носика. И правда спит.

Тонкие ручки обвивают мою шею. Варя льнет ко мне всем телом.

Блядь... вот и как перед таким устоять? Хотя я только то и делаю, что борюсь с собой рядом с ней.

Моя жена для меня самая желанная и самая неприкосновенная женщина в мире. Потому что единственное чего я боюсь в жизни, это навредить этому хрупкому созданию.

Снова.

Глава 18. Варя

Просыпаюсь и чувствую его запах. Боже...

Подаюсь вперед и утыкаюсь носом в его ключицу. Грубые волосы на его мощной груди щекочут мне нос.

Целую его шею.

Паша мучительно стонет и прижимает меня к себе...

А у меня флешбеки возникают от звука его стона.

Видео...

Мне не приснилось?

Черт!

Упираюсь руками в широченную грудь, отталкиваясь от мерзавца:

— Какого хрена?! — голос срывается на писк. — Вон из моей кровати!

Паша лениво приоткрывает глаза, продолжая стискивать мою талию:

— Вообще-то это моя кровать, — холодно говорит он.

— Значит отнести меня в другую комнату! — сопротивляюсь насколько могу. — А лучше вообще в другую квартиру!

— Чшш, — прижимает меня обратно. — Не шуми. Голова болит после вчерашнего.

— Да это вообще не мои проблемы! — молочу его кулаками по груди, пытаюсь выбраться.

Не отпускает. Встряхивает грубо:

— Щас успокоилась и дала мне поспать, — строго требует муж.

И я осознаю, что он снова стал бесчувственным гадом, которому плевать на мои чувства.

— Я хочу уйти, — болезненно шепчу я.

— Ты не можешь, — отрезает он.

— Я не в прямом смысле, — всхлипываю. — Хочу уйти от тебя. Больше не быть вместе!

— Мы ведь договорились, Варвара, — цедит он зло, заглядывая мне в глаза.

Точно. Договорились. А еще я собиралась усыплять его бдительность и быть послушной. Но у меня просто нет сил делать вид, что все в порядке. Не могу я. Не могу претворяться, что мне не больно от того, как он обнимает меня. Рук своих он не расцепляет, продолжая крепко прижимать меня к себе. Я чувствую его член, плотно прижатый к моему животу.

— Я не могу... — всхлипываю, глядя в ледяные глаза. — Я ненавижу тебя, Паш.

— А тебе никто и не предлагал любовь, — цинично отвечает он. — Мы друг другу полезны. И этого достаточно.

Задыхаюсь от боли.

— Отпусти меня, — шепчу. — Умоляю тебя. Если есть в тебе хоть что-то человеческое... отпусти.

— Допустим, — нагло бросает он. — И куда ты пой-

дешь? В реабилитационный центр? Так они не дадут тебе того уровня заботы, что даю я.

— Ах, это забота значит? — усмехаюсь, глотая слезы.

— Да, забота, Варя! Все эти люди вокруг тебя, которых ты считаешь хорошими по сравнению со мной, они все мной же и куплены! Вся их забота куплена мной из заботы о тебе! — грохочет он. — Та же Ольга, которую ты прикрываешь от того, что она не справляется со своими обязанностями. Тот же Виталик, который типа картошку видите ли ей жарит и цветочки дарит. Он тоже куплен мной!

— Нет уж! — рычу ему в ответ. — Ты купил их работу. Но они не обязаны относиться ко мне хорошо.

— Обязаны! — отрезает он. — Обязаны, потому что я прописал это в контракте! Специально, чтобы ты чувствовала себя комфортно.

Теряю дар речи. Мне до слез больно от его слов. Все было фальшью?

— Ты серьезно? — пишу, потому что в горле ком застрял.

— Абсолютно.

Усмехаюсь горько:

— В таком случае, ты перестарался, мой дорогой.

— В смысле? — щурится подозрительно.

— За признание в любви ты Виталику тоже заплатил?

— Чего, блядь?!

Глава 19. Павел

— Ты не расслышал? — будто издевается она. — Или просто априори считаешь, что инвалидку любить нельзя? Виталик признался мне в любви. И предлагал уйти с ним. Обещал на ноги меня поставить. И без денег...

Охуеть. Так вот к чему весь этот спектакль был? Узнала значит, что я изменил, добыли твари видос, чтобы меня подставить, всю карьеру запороть собрались мне, а сами счастливо в закат свалить? В счастливое будущее, блядь?! Ну я вам устрою...

Переворачиваюсь так, что мелкая сучка оказывается прижата мной к матрасу.

— Я убью его! — рывкаю. — Я тебе отвечаю!

— Только попробуй! — цедит мне в рот. — Я всем расскажу, какой Левицкий мерзавец.

— Нихуя, — протягиваю я. — Я тебя спрячу так, что ни одна живая душа тебя больше не найдет. Будешь у меня как птичка в золотой клетке. А я буду приходить и трахать тебя. Каждый день.

— Шлюх своих трахай! — шипит, и извивается подо мной, как змея натуральная.

— Шлюх уже натрахал. Теперь тебя хочу! — впиваюсь губами в ее блядский рот.

Она стучит слабенькими ручками мне по груди, пока я

беспрепятственно раздвигаю ее ножки и ложусь между них.

Варя прикусывает мне губу до крови, вынуждая оставить ее рот.

— Пусти! — вопит. — Пусти, животное! Не смей! Остановись!

— Хватит с меня, — рокочу я. — Я достаточно себя оставливал! А теперь ты собралась подставить меня и свалить трахаться с другим?! Хер! Ты моя, поняла меня?!

Приспустив свои трусы, направляю в жену член. Она ерзает вся, пытаюсь вырваться.

— А ведь лежа и не скажешь, что ты какая-то там ограниченная, — зло цежу я. — Сопротивляешься вполне как полноценная.

— Сморяю тебе не привыкать женщин насиловать, раз ты так хорошо осведомлен, как они обычно сопротивляются!

— Еще слово и я воспользуюсь твоим предложением и трахну твой дерзкий ротик! — сжимаю пальцами ее щеки.

— Не посмеешь! Клянусь я всем расскажу, что ты маньяк! И... Ааа! — стонет протяжно, когда я грубо вхожу в нее.

— Моя, блядь, — рычу в ее распахнутый ротик. — Моя. Я слишком долго с тобой церемонился.

Еще один грубый толчок в ее сочную щелку:

— Ты меня вымотала воздержанием, дрянь! А сама уже нового мужика нашла?! — прикусываю ее губку, но тут же отпускаю, чувствуя, что больше совершенно не контролирую себя.

Вколачиваюсь в хрупкое тело грубыми толчками.

— Пусти... — хрипит Варя. По ее вискам слезы дорожку проложили. — Отпусти меня...

— Нихуя! Никогда! Поняла, никогда!

— Ненавижу, — шепчет мне в рот сучка мелкая. — Ненавижу тебя, мерзавец!

Как она меня бесит!

— Я тебя щас выебу. А потом займусь твоим неугомонным ртом, — протискиваю большой палец между ее пухлых губок. Кусается, мерзавка. Пихаю свой палец так глубоко, что она давится. — Вот сюда вставлю свой член, прямо в горлышко тебе. Будешь так же давиться и послушно глотать мою сперму. Ты ведь обещала, что твой рот не хуже, чем у шлюх. Откуда знаешь? Неужто с Виталиком пробовала? Пока я к тебе прикоснуться боялся, он тебе за щеку насовывал?!

Со всей силы шлепаю ее по заднице, зная, что чувствительность у нее там минимальная.

Сучка стонет во весь голос.

— С ним ты тоже так стонала, блядь?!

Всхлипывает. А меня разрывает просто от злости и ревности бешеной:

— Теперь ясно, какого хуя ты из зала своего не вылезала вместе с этим хуем. Он тебя ебал, пока меня заверял, что тебе вредно сексом заниматься! А я как пацан велся на это, ходил блядь дрочил по углам, лишь бы тебе не навредить!

— Не правда! — воет подо мной Варя. — Все вранье!

— Я никогда... А! ...т-тебе не изменяла, — рычит она вперемешку со слезами и стонами. — Я любила тебя.

— И сейчас любишь! — требую я.

— Нет!

— Любишь, я сказал!

— Кого угодно, но не тебя!

— Я заставлю тебя.

— Попробуй, — цедит сквозь зубы.

— Скажи, что любишь, иначе я грохну твоего Виталика.

Глядит с ненавистью. В глазах слезы стоят. Но все же выдавливает:

— Л-люблю, — выдавливает со льдом в голосе.

Значит Виталик достаточно важен, чтобы мне моментально в любви признаться?

Делаю очередной толчок:

— Я не слышу.

— Люблю! Люблю тебя, мерзавец! Доволен?!

— Ммм... — кончаю, стискивая хрупкую девочку в своих объятиях.

— Ненавижу... — шепчет она мне в грудь, всхлипывая.

— Ненавижу тебя...

И кажется начинаю понимать какую ошибку сейчас совершил.

Глава 20. Павел

Пиздец. Кажется, я все еще сильнее испортил. Блядь. Блядь!

Голова сейчас просто взорвется! Я зол. Охуеть как зол. На самого себя в первую очередь.

И Варя еще...

Я видеть ее не могу такую жалкую. Рыдает подо мной. Бьется:

— Ненавижу, — надрывно шепчет она. — Ненавижу тебя... Ты просто чудовище.

— Тише-тише, — зарываюсь пальцами в ее охуенные волосы. Притягиваю ее голову к своей груди, целую макушку: — Прости меня. Прости.

— Никогда! Никогда!

Ебать, что я наделал. Она же... блядь, она же моя хрупкая Варюшка. С которой нельзя ТАК.

Осторожно выхожу из нее. Оцениваю взглядом не порвали я ее своей грубостью:

— Где-то болит? — поглаживаю ладонью ее плоский животик.

— Не прикасайся! — рычит сквозь слезы, и на бок пытается повернуться, чтобы спрятаться от меня.

— Сначала ответь, — требую бескомпромиссно. — Болит?

— Болит! Ясно тебе! Болит!!!

У меня от ужаса, что я ей опять навредил даже пальцы немеют:

— Где? — выдавливаю.

— Вот здесь! — она стучит себе кулаком по груди. — Здесь болит! Да так, что жить не хочется! Что будешь с этим делать?! Кому за это деньги заплатишь, чтобы вылечили?! Я дышать не могу!

— Все-все, не ори ты, — ловлю ее руки, потому что она едва не до крови вцепляется в свою шею ногтями.

— Пусти! — визжит. — Пусти меня, сволочь! Ненавижу! Да как ты посмел после своих шлюх ко мне прикасаться?!

Она не перестает брыкаться, поэтому прижимаю ее к кровати всей тяжестью своего тела. Она бьется и проклиняет меня. А я начинаю думать, что что-то в моей жизни идет не так. Холодный расчет нихера не работает, когда речь идет о моей жене. С ней всегда все иначе. Сложнее. А я еще и усугубил все. Пиздец.

Надо срочно этот ебанный браслет ей сплести. Ну или я не знаю, машину ей сплести, блядь! Может хоть немного смягчится.

Переборщил я. Переборщил. Сам понимаю. Я просто не готов был к такому. Никогда бы не подумал, что стану ревновать свою жену. Она конечно красивая. Но другие мужики этого даже не видят. Коляска как огромный красный сигнал.

У меня и мысли не возникало, что для кого-то ее огра-

ниченность вовсе не проблема. Конечно Виталья, ебанный в рот, сукин сын! Для него не проблема неходячая девица, он таких пачками насмотрелся в жизни. А тут Варюша...

Жадно впитываю каждую черточку ее охуенно красивого лица. И как я сразу не подумал: надо было ей женщину физиотерапевта нанимать. Но она ж вцепилась в этого своего Виталика, мол привычно ей. Теперь ясно, что ей там привычно было.

Блядь, тормози, Паш. Не доведут фантазии до добра. И без того уже перегнул палку.

Но Виталику гондону я профилактику организую, чтобы не лез к чужим женам. В любви он блядь признается. Я тебе гнида устрою...

Варя наконец затихает. Вымоталась и отрубилась.

Глажу ее мокрое от слез лицо, убирая растрепавшиеся волосы. Целую соленые губки:

— Моя.

Я знаю, что я больной ублюдок. Знаю, что ей со мной дико не повезло. И да, мне ее даже жаль. Но эгоистичное желание обладать ею не позволит мне отпустить ее. Никогда.

Глава 21. Павел

— Я надеюсь вы осознаете, что это место строго конфиденциально?

— Да, конечно, — кивает сиделка моей жены.

— Я рискнул позвать вас только потому, что через пару часов мне нужно будет уехать на пресс-конференцию. А Варю одну оставлять нельзя. Она сейчас в плохом состоянии.

— Ой, а я же читала в газете! — хватается за сердце женщина. — Совсем захворала наша девочка, да?

Вот она, жертва СМИ. Что не прочитает, всему верит. Игнорирую вопрос:

— Вы меня поняли, Ольга? Никому. В том числе и Виталию Андреичу ваше местоположение знать нельзя. Ему особенно, — делаю паузу, дожидаясь пока до нее дойдет смысл сказанного мной. — Выходить из квартиры нельзя. Впускать никого нельзя. Категорически. В доме охрана только местная, чтобы лишнего внимания не привлекать. Мы здесь строго инкогнито.

— Я все поняла-поняла! Но если ей совсем плохо станет? Мало ли прихватит чего? Неужто даже скорую нельзя?

Раздумываю всего пару секунд. Она все же колясочная, еще и перенервничала. Да и вдруг я все же что-то повредил ей. Грубанул же точно.

— Только если действительно что-то критичное, — со-

глашаюсь я. — Скорую из частной клиники, контакты у вас имеются.

— Да, конечно!

— Коляску уже привезли, она в спальне. Если Варя захочет на воздух можете выйти на балкон.

— Я все поняла...

— Паш, ну что, ты готов? — Инесса как всегда заявляется без приглашения. — А это еще кто? — она с явной претензией оглядывает Ольгу. — Новый фетиш? На женщин постарше потянуло?

— Рот свой закрой. Это сиделка Вари. Она побудет с ней, пока мы будем на пресс-конференции.

— В смысле? — Инесса упирает руки в бока. — Я же тебе сказала: кровь из носу надо чтобы она с тобой явилась туда.

— Она не в состоянии сейчас общаться с журналистами.

— Так это и прекрасно! Чем хуже состояние, тем больше жалости...

— Я сказал нет, — отрезаю категорично. — Я поеду один.

— Детей ты делать с ней не хочешь, к журналистам ее везти не можешь, Паш! Ты издеваешься надо мной? Может уже хватит возиться со своей принцессой! Она нас всех подьебала, а ты с ней возишься?! Или это у тебя вдруг совесть выиграла?

— Ольга, — обращаюсь к застывшей у стены женщине, — приготовьте пока ванну моей жене. Я хотел помыть ей голову, но кран неожиданно сломался. Сейчас уже все починили.

Надеюсь вы справитесь?

— Да, конечно!

— Уверены? — вопросительно выгибаю бровь. — Ваша спина в порядке? Не придется звать помощь?

Женщина краснеет до корней волос:

— Нет-нет, что вы? Я поняла, что никого звать нельзя! Справляюсь сама! Это ведь моя работа!

— Вот именно. Раз вы это понимаете, тогда идите.

Дожидаюсь, пока она скроется с глаз. Внутри клокочет такая ярость, что мне хочется попросту придушить зарвавшуюся суку – Инессу. Но вместо этого я только цежу:

— Еще раз ты заговоришь со мной в подобном тоне, и ты больше на меня не работаешь.

— Да что ты, — ухмыляется тварь, складывая руки на груди. — Не боишься? Я знаю о тебе больше, чем твоя собственная жена.

— Именно поэтому бояться стоит не мне. А тебе, моя дорогая.

Неторопливо подхожу к бару, и наливаю себе на этот раз только минералки. Сейчас мне как никогда понадобится незатуманенный разум.

Делаю пару глотков и опускаю стакан на барную стойку:

— Слышала поговорку: меньше знаешь — крепче спишь, — бросаю взгляд исподлобья на свою в край охувшую пиарщицу. — Дольше живешь. М?

Глава 22. Варя

— Варвара Алексевна, — сквозь тяжесть сна слышу голос своей сиделки. — Моя хорошая, как ты тут? Моя девочка...

Чувствую, как она целует меня теплыми губами в лоб. С горечью думаю: за это он тоже заплатил? Гад. Сволочь!

У меня все тело болит. Как он посмел... Животное. Ненавижу. Ненавижу его! Так же сильно, как еще несколько часов назад любила.

Приоткрываю глаза. Ольга бережно убирает волосы с моего лица.

— Проснулась? — тепло улыбается мне женщина. — Вот умница. Сейчас пойдем помоемся. И сразу полегче тебе станет.

Качаю головой:

— Не станет, — мой голос скрипит.

— Станет-станет, моя милая. Обидел он тебя, понимаю. Но со всякими бывает. Такова наша бабская доля. И чем быстрее в себя придешь и на ноги встанешь, тем быстрее забудешь это все как страшный сон, поняла меня?

— Ты все поняла? — гляжу на нее слезно.

— Он своими сказками дураков пусть лечит, — отмахивается Ольга. — Я-то знаю, сколько сил тебе стоило этот браслет дурацкий сплести. А он крупным планом на этом видео...

— Ты тоже его видела?! — всхлипываю я.

— Да конечно видела! Вся страна видела уже. Так что ты пока в интернету эти дурацкие лучше не заходи. Там повсюду его рожа теперь. Не зря говорят: черный пиар — тоже пиар, — она неодобрительно качает головой. — Они этот скандал так раскрутили и перевернули, что поговаривают, будто у мужа твоего рейтинги не падать, а наоборот расти начали. Представляешь?

— Вот пусть и остается со своими рейтингами, скотина!

— выпаливаю я.

— Ты уже что-то удумала, да? — Оля смотрит строго. — Не говори только, что бежать от него вздумала, дуреха?

Ах вот как? Не ожидала от нее такой реакции...

— Я сделаю это с тобой или без, — отвечаю непреклонно.

— Посмеешь меня сдать ему — уволю и все равно сбегу! Ясно?

— Ясно-ясно, милая. Да я же о тебе беспокоюсь. Ты же понимаешь, как тебе сейчас нужны его деньги. Чтобы окончательно на ноги встать, а не только ради «сюрприза мужу».

— Я встану! — уверенно отзываюсь. — И без его денег.

— Ладно-ладно, — она примирительно похлопывает меня по ладони. — Поживем-увидим. Сейчас помоешься, успокоишься и еще подумаешь на свежую голову.

Не пытаюсь ее переубедить. Я уже все хорошо обдумала. Не позволю этому чудовищу еще хоть пальцем ко мне прикоснуться. Видеть его не могу. Мне так больно, что лучше

умру с голоду, чем останусь жить с ним из-за денег. Моя беспомощность и без того всегда убивала меня, душила будто. Но сегодня я не готова с ней мириться.

— Иди ставь ванну, Оль, — велю сухо.

— Как скажешь, моя милая. Ты только не обижайся, ладно? Я же о тебе волнуюсь.

Киваю сдержанно.

— Муж твой вроде уйти собирался, — продолжает Ольга. — На какую-то там пресс-конференцию. Так что помоемся и поговорим спокойно. Хорошо?

Не дожидаясь моего ответа Ольга поднимается с кровати и скрывается за дверью ванной.

Ушел, значит? Сердце ускоряется. Это мой шанс.

Собрав все свои силы в кулак поднимаюсь с кровати. Неторопливо шагаю к двери, в этот раз не позволяя себе дать волю мыслям. Мне нужно дойти до своей комнаты и забрать свои вещи: на те золотые сережки, что остались на тумбочке, можно смело прожить месяц, а-то и больше. Мне это сейчас позарез нужно. А еще спрятаться. Да подальше от этого мерзавца. Чтобы никогда больше не нашел. Документы новые нужно как-то раздобыть. И придумать как на жизнь зарабатывать.

Злая решимость работает намного лучше, нежели жалость к себе. И вот я уже у цели. Хватаюсь за ручку двери, опираясь на нее всем телом, позволяя себе немного отдохнуть.

Подышать спокойно и снова в путь.

Неспеша открываю дверь, и вздрагиваю, услышав голос мужа...

Глава 23. Варя

— Я тебя предупредил, Ин, — холодно говорит Паша где-то в глубине квартиры.

Так они с гримзой еще вовсе не уехали?

— Ты угрожаешь мне? — звучит голос змеюки, и я непроизвольно начинаю прислушиваться. Ведь ругаются эти двое нечасто, а тут уже второй раз за несколько часов. — И что сделаешь, Паш? — хмыкает Инесса. — Убьешь меня? Труп в твоей команде все равно наложит отпечаток на твои рейтинги. Даже если ты отмажешься от ментов, то всех людей не обмануть. Они будут понимать, что что-то здесь нечисто и тупо на интуитивном уровне не станут за тебя голосовать. Понимаешь?

— Понимаю, — холодно отвечает мой муж. — Согласен, труп мне перед выборами ни к чему. Но есть и другие способы закрыть тебе рот. Скажем, похуже смерти.

— Например? — ее голос звенит от напряжения.

Удивительно, так Инесса способна хоть чего-то бояться?

— Например, — безразлично продолжает Паша, — у моей бесценной пиарщицы может внезапно потечь крыша от переизбытка стресса. И мне, как заботливому работодателю просто придется подобрать для такого ценного кадра какую-нибудь закрытую лечебницу, подальше отсюда. И тогда уже будет плевать, что она там рассказывает.

У меня мороз по коже от его слов. Неужели он действительно способен на подобное? Ощущение, что я совершенно не знаю собственного мужа.

Инесса начинает немного истерично смеяться:

— Значит мало тебе было жену в коляску посадить, теперь и меня больной решил сделать?

Меня будто ледяной водой окатывает от ее слов. В смысле «посадить» меня в коляску? Это ведь был несчастный случай. До него мы с Пашей и знакомы-то не были. Потом в его благотворительном центре как-то встретились и так все закрутилось как-то...

— Мы оба знаем, что это был несчастный случай, — озвучивает мои мысли Паша.

— Знаем, — усмехается Инесса. — Несчастный. Но как думаешь, как отнесется пресса к новости о том, что ты был непосредственным участником сего несчастного случая? А как отнесется твоя Варюшка к открытию, что это твоя машина сделала ее инвалидкой? А потом ты еще женился на ней, просто потому что я так сказала! Из-за рейтингов. Помнишь же, Паш, дальше на очереди ребенок, он нам сейчас позарез нужен.

У меня рот от шока открывается. Зажимаю его ладонью, чтобы не закричать.

Это он... Это он. Он виноват, что я стала такой. Из-за него все!

А я как дура встать хотела «для него»!!! Для него, мать

твою!

Сползаю плечом по стенке рядом с дверью. Меня заботливо подхватывают руки Ольги. Она бесшумно прикрывает дверь:

— Хватит с нас, — шепчет, обнимая меня.

— Оль... — я даже сказать ничего не могу. — Оляяя...

— Ч-ч-ч... — она тихонько поворачивает замок на двери, чтобы эти твари не могли войти, и прижимает мою голову к своей груди: — Поплачь, деточка. Поплачь, моя милая. Только не шуми. Пусть уйдут эти бляди. И я помогу тебе. Ничего не бойся. Уедем ко мне в деревню. У меня там домик остался. И на ноги тебя поставим. Без всяких...

Она замолкает, потому что ручка двери вздрагивает:

— Варя! — зовет муж.

Хочу заорать на него, чтобы он прочь убирался из моей жизни, но Оля мне рот закрывает.

— Павел Сергеич, Варюша уже в ванной, — дрожа голосом кричит ему Оля. — Вы уже уходите? Что-то ей передать?

— Да, Ольга, — он почему-то медлит, а мне хочется кричать. — Передайте ей, — он будто слова подбирает, — что мне очень жаль...

Ненавижу. Ненавижу, гада! Жаль ему? Ему жаль?! Что сделал меня инвалидкой?! Или того, что женился на мне по приказу какой-то мрази! А может стало жаль, что изнасиловал меня?! Урод! Какой же ты урод, Паша!!!

— Еще скажите, — в дверь глухо ударяет его тяжелый ку-

лак: — чтобы не плакала. Я скоро вернусь и все исправлю...

Часть 2. Глава 1. Варя

— Эй, вертихвостка! — слышу окрик, и оборачиваюсь, потому что кроме меня в фельдшерском пункте больше обычно никого не водится.

— Вы ко мне обращаетесь? — удивляюсь я, глядя как три дородные девицы уверенно шагают в моем направлении.

— А ты тут еще вертихвосток видишь, коза?!

Выпрямляюсь в кресле:

— Позвольте поинтересоваться, с чего вы вдруг решили присвоить мне эти оскорбления?

— А как еще назвать шмару, которая чужих мужиков соблазняет?

— Это я-то? — нервно усмехаюсь.

— Дуру из себя не строй! Мой тебе вечно рыбу с рыбалки таскает!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.